

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ole-njonok@mail.ru

КОНТЕКСТЫ С ОККАЗИОНАЛЬНОЙ СИНТАГМАТИКОЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»*

Описываются и анализируются окказиональные конструкции в повести А. Платонова «Котлован». Особое внимание уделяется нарушениям привычной языковой сочетаемости, выявленной на лексико-семантическом уровне, а также приводятся случаи нарушения грамматической сочетаемости.

Ключевые слова: окказиональная синтагматика, нарушение сочетаемости, идиостиль Платонова

Традиционно под сочетаемостью понимается свойство языковых единиц участвовать в образовании единиц более высокого уровня, а также способность языковых единиц вступать в синтагматические отношения друг с другом. Сочетаемость слов определяется грамматическими, лексическими, семантическими факторами и изучается по преимуществу теорией словосочетаний. При этом особую роль играет тот аспект синтагматики, который определяется *семантическим соответствием*, то есть отсутствием у компонентов сочетания противоречащих сем. Отступление от законов сочетаемости приводит к нарушению литературной нормы, однако намеренное нарушение правил синтагматики может быть средством художественной выразительности. Здесь мы можем говорить об окказиональной валентности – сочетаемости, которая нарушает привычные ассоциативные связи слов, заложенные в языковой системе, и порождает индивидуально-авторский контекст.

В повести «Котлован» А. Платонова в первую очередь привлекают к себе внимание сочетания слов, производящие впечатления «неправильного» языка. Предмет специального рассмотрения в настоящей статье – окказиональные нарушения общеязыковых норм, которые наблюдаются на синтаксическом уровне.

Обращает на себя внимание нередкая в платоновском тексте фигура речи, демонстрирующая семантическую разнородность элементов сочинительной конструкции при сохранении их синтаксической однородности (так называемая *зевгма*), например, в предложении: «*Мама, а отчего ты умираешь – оттого, что буржуйка или от смерти...*» [7; 119]. Кроме того, здесь автор использует словообразовательный повтор, порождающий тавтологию: *умирать от смерти*.

Конструкцию с зевгмой наблюдаем и в предложении «*И ему жалко стало, что его потерянная подруга и многие нужные люди обязаны жить и теряться на этой смертной земле...*» [7; 112–113], в котором автор, соединяя грамматически однородные компоненты в составе

составного глагольного сказуемого, достигает при этом такой логической разноплановости понятий, которая ярко подчеркивает абсурдность происходящего.

Тот же эффект достигается автором, когда из уст маленькой девочки вырывается страшная фраза: «*Моя мама себя тоже сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала, правда ведь?*» [7; 130].

Мотив размытости, неопределенности, прозрачности границ между жизнью и смертью прослеживается и в предложении с зевгмой: «*Но активист, притаясь или умерев, ничем не ответил Вощеву*» [7; 181].

В предложении «*Прудевский сумел в краткое время поправить радио, но оттуда послышалась не музыка, а человек*» [7; 167] сочинительной связью соединены одушевленное и неодушевленное существительное, что позволяет Платонову отобразить действительность, в которой стерты границы между живым и неживым.

Контекст «*Колхозные мужики были светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте*» [7; 165] демонстрирует окказиональную однородность с бессоюзной и сочинительной связями, соединяющими слова семантически далекие, разноплановые: *не жалко* – передача эмоций, *безвестно* – логико-мыслительная оценка, *прохладно* – физическое ощущение. В другом отрывке из «Котлована»: «...чтобы сердца молотобойца и Чиклина лишь надеялись и дышали» [7; 168] – зевгма формируется в результате того, что глаголы-сказуемые принадлежат разным лексико-семантическим группам: *надеялись* передает мыслительный процесс, *дышали* – физический.

В высказывании «*главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, а не в гигантском руководящем масштабе*» [7; 113], объединяя сочинительной связью с противительными отношениями абстрактное и конкретное, автор стремится показать, что великое – «гигантский руководящий масштаб», «главное организаци-

онное строительство» (здесь можно провести параллель с известным канцеляризмом «гигантские масштабы строительства»), представленное чиновниками, руководящимистройкой всей страны, не может свершиться без малого – людей, трудающихся в одном «ковrage» – котловане. Ту же идею автор передает и в предложении «люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней» [7; 165], в котором Платонов, соединяя союзом «и» общее и единичное, ставит задачу подчеркнуть исключительную самоценность человеческой личности и индивидуальной судьбы на фоне масштабных перемен в стране.

Встречаем конструкции, в которых сочинительной связью объединяются разные части речи, относящиеся к различным семантическим группам (например: «...и сколько годов он ни смотрел из деревни вдаль и в будущее» [7; 126]), с помощью союза и соединены обстоятельства – пространственное наречие и существительное со значением времени.

Частотны случаи намеренного и скрытого в подтексте **неразличения синонимов**. Так, например, заменяя прилагательное *старый* на *давний* в словосочетании *давние гвозди* («и давние гвозди торчали из него» (забора). – О. С.), освобождаемые из тесноты древесины силой времени» [7; 117]), автор «смещает» временную характеристику из сферы личных или абстрактных денотатов (друзья, события) в область конкретных неодушевленных референтов.

В предложении «*Вот и еще надлежало бы и товарищу Вощеву приобрести от Жачева крающий удар*» [7; 117] глагол «приобрести» употребляется вместо глагола «получить». Будучи синонимами только в своем прямом значении, эти слова совпадают лишь в одном из них: «стать обладателем, владельцем чего-либо», поэтому в данном контексте невозможна замена одной лексемы другой в синонимической паре: в словосочетании *приобрести удар* глагол *приобрести* употреблен в переносном значении.

В предложении «*Полуголый стоял без всякого впечатления*» [7; 129] словоформа «без чувств» заменяется на недопустимый в данном контексте квазисиноним «без впечатлений».

В конструкции «*все более ощущался личный позор*» [7; 121] нарушение традиционной сочетаемости происходит из-за неуместного употребления главного компонента словосочетания. Поскольку герои сами оценивают себя, на наш взгляд, с точки зрения узуальных норм уместнее было бы вместо существительного *позор*, подразумевающего оценку со стороны, употребить существительное *стыд*, однако и лексема *стыд* не сочетается с прилагательным *личный*. В предложении «*вышли из задних клетей и разных укрытых препятствий жизни*» [7; 180] прилагательное «*скрытые*» заменяется синонимом, в результате чего главный компонент словосочетания «*укры-*

тье препятствия», таким образом конкретизируясь, получает совершенно иную интерпретацию: происходит «*овеществление*» абстрактного понятия «*жизненные препятствия, преграды*».

Частотен в платоновской повести **метонимический перенос** (характеристика человека переносится на его часть – глаза (1), голову (2, 3, 4), лицо (5, 6, 7), движение (8)): 1) «*Чиклин поднял Настю на руки, и она открыла опавшие свои, высохшие, как листья, смолкие глаза*» [7; 181]; 2) «*Вощев... еще более поник своей скучающей по истине головою*» [7; 181], 3) «...*слушал дремлющей головой*» [7; 184]; 4) «*Одна девушка стояла перед ним – в валенках и в бедном платке на доверчивой голове*» [7; 175–176]; 5) «*а затем прошелся убежденной походкой и сделал активно мыслящее лицо*» [7; 116]; 6) «*спросил старик, складывая для внимательного выражения свое чтущее лицо*» [7; 118]; 7) «*Он имел уже пожилое лицо*» [7; 98]; 8) «*а молотобоец двигался рядом с ним грустным шагом*» [7; 181].

Помимо метонимического переноса, в повести встречаем и **метафорический перенос**. Особенно частотны конструкции существительного с родительным падежом, нередко представляющие собой генитивную метафору: «*со скопостью сочувствия полагал Вощев*» [7; 83], «*мы не хотели очутиться в хвосте масс*» [7; 81], «*За ним отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую почвой нечистот...*» [7; 129] (подробнее о генитивной метафоре см. [4]).

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов как одна из ключевых особенностей идиостиля писателя обращает на себя внимание уже с первых строк повести. Так, например, использование А. Платоновым сочетания прилагательного *неимущее* вместо *рабочее, пролетарское* с существительным *движение* («*Рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье*» [7; 106]) приводит к разрушению термина.

Общеизвестный политический штамп «*элемент*» в значении «человек как член какой-нибудь социальной группы» [8], почти не использующийся в современном русском языке, достаточно активен в повести Платонова и в большинстве случаев встречается с определяющим словом: «...*старичок кафельного завода и прочие неясные элементы*» [7; 180]; «*если он представится туда жалобным нетрудовым элементом*» [7; 93]; «*Тот закон для одних усталых элементов*» [7; 94]; «*кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента*» [7; 182]. Такое частое и обычно трансформированное использование терминов («*классовый элемент*», «*кулацкий элемент*») свидетельствует о том, что человек воспринимается не как личность, а лишь как «*составная часть чего-нибудь*» [8], и неоднократно наделяется отрицательной характеристикой: «*Этот дворовый элемент есть смертельный вредитель*» [7; 140],

«да мы и класс свой скоро чистить от незознательного элемента» [7; 130].

Нередки случаи **семантической тавтологии**, которая, как известно, в большинстве случаев недопустима в языке [5; 385] (подробнее о плеоназме у Платонова см. [6]). У Платонова же конструкции с семантической тавтологией обнаруживаются при анализе всех видов подчинительной связи: а) согласование: «последнее прощанье» [7; 118]; б) управление: «...откуда же ты **вспомниши мысль**» [7; 87], «Жачев, уравновесив движение, успел **сообщить** с линии полета свои слова...» [7; 114]; в) примыкание: «а уж когда все **совместно собрались**» [7; 145]; «...все глухо **смолкло**» [7; 169]; «Но медведь и без того настолько **усердно старался**...» [7; 159]; «Чиклин сразу, без пристальности, обнаружил в них **переученных наоборот** городских служащих...» [7; 101]; «Настя... села с ним **посидеть**» [7; 133]; «Вощев... там прилег **полежать**» [7; 131]; «и он опускал **вниз** затихшие глаза» [7; 129].

Семантическую тавтологию обнаруживаем и при обособлении: «Лампа горела перед его подозрительным **взглядом**, умственно и фактически **наблюдающим** кулацкую сквальночью» [7; 136].

Тождество «тело – человек» возникает в тех контекстах, где происходит материализация духовного начала и где индивидуум уже не воспринимается как одушевленный субъект: «Вощев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с таким хищным значением» [7; 182]; «Левая рука Козлова свесилась вниз, и весь погибший корпус его накренился со стола, готовый бессознательно упасть» [7; 140].

Существительное *тело* в словосочетании *свалив тело* («Сафонов управился принести Жачева и, свалив его изнемогшее тело в угол барака, сказал...» [7; 114]), сопрягаясь с глаголом «свалив», несущим негативную коннотацию, демонстрирует пренебрежительное, равнодушное отношение к человеку, который воспринимается не как живое существо, а как вещь. Подобное указание на «тело» – главное составляющее феномена «человек», отстраняющего на второй план личностные качества, – встречаем у Платонова неоднократно: «Тело Вощева было равнодушно к удобству» [7; 81]; «Их тело сейчас блуждает автоматически» [7; 82]; «Вощев почувствовал холод усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых» [7; 87]. Лексема «вещество» характеризует лишь неживое, вещественное, но, используя ее в контексте с существительным «тело», автор стремится еще больше подчеркнуть овеществление человека: «...Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого...» [7; 91].

В предложении «Прудниковский остыл от ночи...» [7; 97] глагол *остыть* употреблен, по всей вероятности, вместо глагола *замерз*. Контаминация прямого значения (остыть, то есть стать

холодным, потеряв тепло) и переносного (остыть, то есть душевно охладеть) приводит к тому, что человек начинает восприниматься как объект неодушевленный, отождествляются два противоположных начала: жизни и смерти. Кроме того, временное понятие заменяет позицию обстоятельства не времени (*остыл ночью*), а причины: *остыл от ночи* по аналогии с сочетанием «от холода».

Необходимо заметить, что координация глагола «остыть» (а также причастные формы) в значении «замерзнуть» с одушевленным существительным – не единичный случай. Подобная конструкция встречается в тексте неоднократно: «Чиклин и Сафонов сильно остыли и были в глине и сырости» [7; 107]; «Девочка не трогала свое тепло на остывающую мать» [7; 120]; «Мужик слышал то и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть снаружи» [7; 147]; «Остывает, – пощупал Вощев шею мужика» [7; 147]. Примечательно, что из семи случаев, в которых употребляется глагол «остыть», только в одном глагол используется автором в прямом значении и координируется с неодушевленным существительным («Сарай остыл без лошадиного дыхания» [7; 155]), в одной конструкции – как узальный метафорический перенос в значении «успокаиваться»: «Выходи остынь, дьявол!» [7; 173].

В повести можно наблюдать и обратное: **о неживом говорят, как о лице**: «...и он (Чиклин. – О. С.) мог... только пощупать ее (лестницы. – О. С.) истомленный прах» [7; 118]. Олицетворение материала находим в предложении «Грунт перестал терпеть вечность» [7; 120]. Глагол *терпеть* (не в метафорическом значении) координируется только с одушевленными существительными, здесь же этот глагол употреблен с неодушевленным существительным, что приводит к персонификации материала, который изображается как живое существо, олицетворяется.

Иногда в конструкциях с нарушенной сочетаемостью могут возникать и **оксюмороны, алогизмы**: «Он был постоянно удивлен» [7; 153], «бегая от ласково ревущего Жачева» [7; 167]; «Чиклин курил и равнодушно утешал умерших своими словами» [7; 138]; «он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы» [7; 128]; «Вчера вернулся с раскулачки, так все топтался и по-хорошему бурчал» [7; 172].

Классификация окказиональных конструкций представляется возможной и на сугубо формальной основе. Указанный вид классификации мы используем при описании грамматических нарушений в области синтагматики. Так, в тексте платоновской повести выделяются четыре основные группы окказиональных конструкций: окказиональное сочинение, окказиональное подчинение, окказиональное обособление и окказиональное распространение придаточной части.

1. Окказиональное сочинение:

На первый взгляд может показаться, что в предложении «Смотри, Чиклин, как колхоз идет

на свете – скучно и босой» [7; 144] сочинительной связью объединены второстепенные члены предложения, но при анализе становится понятно, что союз *и* соединяет наречное обстоятельство и именную (адъективную) часть составного глагольного сказуемого (подробнее об особенностях подчленной связи слов с адъективами см. [2]).

2. *Окказиональное подчинение* представлено лишь связью управление.

Обнаруживаем конструкции, демонстрирующие грамматические деформации в плане расширения предложно-падежной рамки. Так, в предложении «*Только я одна буду помнить тебя в твоей голове*» [7; 119] глагол «помнить» не требует при себе распространителя в предложном падеже, а его обычная грамматическая валентность ограничивается лишь винительным падежом.

В предложении «*В ту минуту за оврагом, по полю, мчался один человек, которого еще нельзя было разглядеть и остановить; его тело отщало внутри одежды...*» [7; 114] замена предлога *внутри* предлогом *под* отображает идею замкнутости субъектного пространства. Заменяя предлог *в* на *у* в словосочетании «*заслуги в девочке*» («– *А какие, товарищ Жачев, заслуги или поученья в твоей девочке?*» [7; 116]), Платонов подчеркивает не духовное, а телесное начало. Человек становится как бы «*вместилищем*» своих заслуг, его духовный мир перестает восприниматься как нечто ценное, на первый план выходят общественно значимые заслуги.

Встречаем конструкции, в которых окказиональность возникает из-за «неправильного» сочетания предлога и глагольной приставки: «*И Вощев ушел в одну открытую дверь*» [7; 131]; «*Девочка вышла с места...*» [7; 126].

В конструкции *не мог ничего думать* [7; 100] непереходный глагол *думать* становится контекстуально переходным, что приводит к трансформации грамматической узуальной валентности глагола.

В «Котловане» находим такие контексты, в которых происходит замена одного вида подчинительной связи на другой: «...он сидел в углу, опершись туда спиной...» [7; 170] – вместо кон-

струкции, построенной по схеме «глагол + на + имя существительное в винительном падеже». В словосочетании «*ручной удар*» («*Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь...*» [7; 179]) согласование уместнее было бы с точки зрения привычной грамматики заменить на конструкцию с управлением: «*ударил рукой*».

3. *Окказиональное обособление.*

В тексте «Котлована» находим конструкции с неправильным употреблением деепричастного оборота. Известно, что деепричастие и сказуемое должны обозначать действие одного и того же субъекта, но в повести есть конструкции, в которых нарушается это правило, что сближает слог платоновского героя с просторечием, способствуя тем самым характеристике действующих лиц: «*Видя по его телу, класс его бедный*» [7; 87].

4. *Окказиональное распространение придаточной части:* «*Он не уважал, чтобы на него подавали заявление*» [7; 113]. Лексема *уважать* предполагает направленность процесса на объект-лицо и оценку его с морально-нравственной точки зрения (*не уважать кого-то за что-то*). А. Платонов же использует данный глагол без обязательного распространителя, подобного модальному глаголу (хотеть, желать).

Синтагматические нарушения выявляются при описании жизни строителей «котлована» (то есть нового мира) и практически не отмечены в рассказе повествователя о прошлой жизни. Неправильность, неожиданность и банальность, тавтологичность фраз подчеркивают идею хаоса, дисгармонии новой жизни, мертворожденности нового общественного идеала, неверности выбранной цели, бесмысленности и неправильности пути: «*Она сейчас сахару не ест для своего строительства*» [7; 116] (абсурдная связь между целью и средствами ее достижения).

«Смещение» слов в контексте с привычной сочетаемостью ярко выявляет неожиданные трансформации сознания нового человека, а нарушение связей слов в «новоязье» героев передает и копирует разрушение традиционных связей в обществе и дисгармонию в отношении человека и природы.

*Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буйлов В. В. Парономазия в повести А. Платонова «Котлован» // Русский язык в школе. 1999. № 5. С. 69–73.
- Копелиович А. Б. Подчинительные связи слов адъективного типа // Язык. История. Культура. Кемерово, 2003. С. 49–57.
- Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкоznания. 1991. № 1. С. 170–173.
- Михеев М. Ю. Жизнь мышья беготня или тоска тщетности? (метафорической конструкции с родительным падежком) // Вопросы языкоznания. 2000. № 2. С. 47–70.
- Михеев М. Неправильность платоновского языка: Намеренное косноязычие или бессильно-невольное «затруднение» речи? // Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 385–394.
- Михеев М. Ю. Андрей Платонов: Между плеоназмом, парадоксом, анахоретой и языковым ляпсусом // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4. С. 19–29.
- Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2002.